красою/ Любила русскую зиму…» [8]), как часто, говоря о ней, Пушкин использует мотив зимы, холода, льда.

Природные реалии в произведениях, ставших объектом изучения в данной работе, становятся величиной, включающей в себя сверхэмпирические ассоциативно-символические смыслы [2], которые превращают пейзаж из обычного фона в полноправное средство раскрытия авторской позиции. Для писателя характерно представление о мире как о живом, целом единстве, и, видимо, потому «личность для С.Н. Сергеева-Ценского – синтез природного и человеческого» [13, с. 130]. Красочные пейзажные зарисовки, умело введенные в ткань художественного произведения природные реалии, в немалой степени помогают оценить специфику персонажей. Глубинная связь особенно женских персонажей С.Н. Сергеева-Ценского с природой прослеживается на протяжении всего повествования. Его героиням дано видеть красоту окружающего мира, ощущать ее на самых разных уровнях. Порой границы между персонажами и их природным окружением размываются, что становится одним из способов описания героинь, художественного воссоздания их внутреннего мира и душевных устремлений. Как и все творчество С.Н. Сергеева-Ценского, анализируемые произведения проникнуты духом формулы, появившейся в этюде писателя «Благая весть»: «Нет мира, кроме земного мира, и человек да будет поэт его!»

Литература

1. *Зверева, Е.А.* Природа в художественном мире С.Н. Сергеева-Ценского (на материале романа «Обреченные на гибель») / Е.А. Зверева // Природа и человек в художественной литературе: материалы Всерос. науч. конф. – Волгоград, 2001. – С. 298.

2. *Иванова, Н.Д.* Содержание и принципы филологического изучения пейзажа / Н.Д. Иванова // Филологические науки. – 1994. – № 5 – 6. – С. 77.

3. *Карамзин, Н.М.* Полн. собр. стихотворений / Н.М. Карамзин. – М.; Л., 1966. – С. 94.

4. *Любимов, Н.М.* Сергеев-Ценский – художник слова / Н.М. Любимов // Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч.: в 12 т. – М., 1967. – Т. 12. – С. 8.

5. *Маршал, С.Я.* Воспитание словом (статьи, заметки, воспоминания) / С.Я. Маршал // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1971. – Т. 7. – С. 78.

6. *Нарбекова, О.В.* «Бумеранг от реализма к мистицизму»: мистическое в романе С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение» / О.В. Нарбекова // Гуманитарные науки: проблемы и решения: сб. науч. ст. – СПб., 2004. – Вып. II. – С. 209.

7. *Панкеев, И.А.* Тайны русских суеверий / И.А. Панкеев. – М., 2007. – С. 95.

8. *Пушкин, А.С.* Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М., 2003. – С. 352.

9. *Сергеев-Ценский, С.Н.* Мое знакомство и переписка с А.М. Горьким / С.Н. Сергеев-Ценский // Сергеев-Ценский С.Н. Собр. соч.: в 12 т. – М., 1967. – Т. 4. – С. 215.

10. *Сергеев-Ценский, С.Н.* Собр. соч.: в 12 т. / С.Н. Сергеев-Ценский. – М., 1967. – Т. 7. – С. 568.

11. *Смирнова, Л.А.* Русская литература конца XIX – начала XX века / Л.А. Смирнова. – М., 1993. – С. 5.

12. *Степун, Ф.А.* Сергеев-Ценский С.Н. Преображение России / Ф.А. Степун // Современные записки. Кн. XVIII. Критика и библиография. – 1924. – С. 429.

13. *Хворова, Л.Е.* Эпопея С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России» в контексте русской литературы / Л.Е. Хворова. – Тамбов, 2000. – С. 42.

14. *Шейнина, Е.Я.* Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. – М.; Харьков, 2003. – С. 60.

15. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н.А. Истомина. – М., 2003. – С. 888.

УДК 821.161.1-3 (09) «17»

О.В. Мамуркина

КОМПОЗИЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА В ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается специфика композиционной организации текстов художественно-документальных путешествий второй половины XVIII века, анализируются особенности организации заголовочного комплекса, общей структуры травелога, роль вставных композиционных элементов, портретных и пейзажных описаний.

Композиция, нарратив, художественно-документальная литература, травелог, заголовок, портрет, пейзаж.

The article considers the specific character of composition of the travelogue of the second half of XVIII century. The features of the headline, the structure of the travelogue, the role of the cut-in composite elements, portrait and landscape descriptions are analyzed in the paper.

Composition, narrative, fictional documentary literature, travelogue, headline, portrait, scenery.

Композиция является одним из ключевых элементов любой нарративной модели. Организация особым образом отобранных событий маркирует авторскую креативную интенцию и, следовательно, выступает в роли одной из форм проявления авторского начала. В художественно-документальной литературе роль композиции тем значительней, чем более эстетически структурным является текст.

Следует учитывать неоднозначность трактовки термина «композиция» и подходов к определению ее единиц. Композиция как особое «построение художественного произведения, обусловленное его содержанием, характером, назначением и во многом определяющее его восприятие. <…> В художественной литературе композиция – мотивированное расположение компонентов литературного произведения; компонентом (единицей композиции) считают „отрезок“ произведения, в котором сохраняется один способ изображения (характеристика, диалог и т. д.) или единая точка зрения (автора, рассказчика, одного из героев) на изображаемое» [3].

Тесная связь жанра и композиции, характерная и для текстов с главенствующим документальным началом, особенно ярко проявляется в травелоге. Несмотря на то, что в целом путевые записки обладают достаточно свободной схемой построения, можно обнаружить и некоторые закономерности организации текстов данного типа.

Так, травелог детерминирован маршрутом, структурным стержнем текста. Для уяснения динамики дифференциации композиционных структур целесообразно обратиться к группе тематически неоднородных текстов, объединенных жанровыми признаками травелога, в рамках которых можно выделить:

– морские походы: журнал Ю.Ф. Лисянского 1783 – 1800 гг. [10, с. 56 – 180], его же «Инструкции для различных гаваней» [11]; журнал Н. Полубояринова 1762–1765 гг. [13, с. 262 – 277];

– путешествия по России и Европе: дневник А.Г. Бобринского 1779–1786 гг. [4, с. 356 – 447]; дневник А.У. Болотникова, Н.Я. Озерецковского 1782 – 1783 гг. [5, с. 277–355]; «Описания двухлетней петербургской жизни» Р.М. Цебрикова [16, с. 62 – 125]; «Дневник путешествия неустановленного лица по немецким землям» 1786 гг. (возможный автор – А.Г. Бобринский) [6, с. 356 – 447];

– путешествия по Востоку: «Дневник очевидца» Р.М. Цебрикова [15, с. 126 – 197]; «Объяснения» Хрисанфа Неопатрасского [14, с. 265 – 294]; «Цареградские письма» П.А. Левашова [9, с. 61–99]; «Плен и страдание россиян у турков» П.А. Левашова [8, с. 11–31]; «Странствования» Ф. Ефремова [7, с. 146 – 170]; «Нещастные приключения» В. Баранщикова [2, с. 106 – 132].

Одним из ключевых элементов композиции является заглавие. Заголовочные комплексы рассматриваемых текстов различаются степенью тематической дробности, наличием/отсутствием жанровых номинаций, указаний на период фиксации путевых впечатлений, элементов оценочности.

Записки Н. Полубояринова отличает характерная для дневникового нарратива композиционная стройность (дискретно-анналистическая [1, с. 6] наррация) и четкая структура подневных записей (от обыденного «не-события» к экстраординарному событию). По сходной схеме построен и журнал Ю.Ф. Лисянского. В обоих рассматриваемых текстах в рамках обыденного фиксируются необходимые для мореплавателя сведения о координатах судна, погодных условиях и т.п. В «Журнале» Лисянского есть и рисунки, иллюстрирующие особо примечательные для автора достижения инженерной мысли (плавсредства, мосты и т.п.)

Текст А.Г. Болотникова соответствует композиционной структуре дневника и, следовательно, типовой организации событийного ряда. Тематически и структурно (с нарастанием количества и качества записей) записки можно разделить на три блока: 1) жизнь в Сухопутном кадетском корпусе, 2) «образовательное» путешествие по России, 3) Grand Tour по Европе. Первая часть нарратива базируется на описании рутины жизни кадетов и имеет дискретную композицию, обусловленную большими перерывами в писании. Второй нарративный блок представляет собой собственно путевой дневник со всеми присущими ему характеристиками. Третья часть нарратива – Grand Tour с его «римоцентричностью» и быстрой сменой событий.

Образцом путевого дневника, соответствующего канонам современного путеводителя, является анонимный «Дневник путешествия по немецким землям». В характерном ряду описаний достопримечательностей следует отметить стремление автора в широкий историко-культурный контекст.

Дневник А.У. Болотникова и Н.Я. Озерецковского соответствует композиционной структуре хроники с одной специфической чертой – структурной доминантой каждой записи является оценка постройки нового места – «дурной» и нерегулярной или «весьма знатной» и последовательной.

Более сложную структуру имеют «Описания двухлетней петербургской жизни» Р.М. Цебрикова. В тексте отсутствует четкая композиция, его организация тяготеет к литературе потока сознания и имеет ряд вставных нарративных блоков (например, история студента Л., письмо, записка о состоянии торговли в Лейпциге).

Ориентальные путевые записки более разнообразны как по тематическому, так и по жанрово-композиционному составу. Можно выделить минимум три нарративные модели, на которые ориентированы тексты:

1) дневниковая («Дневник очевидца» Р.М. Цебрикова);

2) эпистолярная («Объяснения» Хрисанфа Неопатрасского, «Царьградские письма» П.А. Левашова);

3) автобиографическая («Плен и страдание россиян у турков» П.А. Левашова, «Странствования» Ф. Ефремова, «Нещастные приключения В. Баранщикова»).

Если композиция дневникового нарратива достаточно типична, то эпистолярные формы организации текста более любопытны. Следует отметить условность адресатов обоих рассматриваемых комплексов писем (П. и В. Зубовы в «Объяснениях» Х. Неопатрасского и Г.А. Потемкин в «Царьградских письмах» П.А. Левашова) и, как следствие, нарушение принципа обратимости эпистолярной коммуникации. Письмо как композиционный элемент текста встречается и в других травелогах (прием содержательного дублирования в «Журнале» Ю.Ф. Лисянского,

письмо как предметная деталь в «Описании двухлетней петербургской жизни» Р.М. Цебрикова).

Автобиографический нарратив «Плена и страданий россиян у турков» П.А. Левашова, «Странствований Ф. Ефремова» и «Нещастных приключений» в каждом из анализируемых текстов подвергается специфической трансформации. В первом случае имеет место освоение дневникового нарратива, во втором – последовательная литературная правка и как результат смена нарративной модели путевого журнала биографической (составлена П.С. Кондыревым). «Нещастные приключения» В. Баранщикова признаются Т.В. Мальцевой «маленьким романом» [12, с. 183] с эпически емким нарративом.

Композиционные речевые формы монолога, диалога и полилога приобретают особый статус в «Описании двухлетней петербургской жизни» Р.М. Цебрикова, «Дневнике» А.Г. Бобринского, «Нещастных приключениях» В. Баранщикова. Указанные модели коммуникации необходимы для развертывания событийного ряда текстов и его организации.

Особыми единицами композиции являются вставные элементы, разрушающие ее линейность – письма, документы, цитаты, аллюзии, формы чужой речи. В числе прочих видное место занимает портрет и пейзаж.

Из всех перечисленных текстов особо показательны портретные описания женщин, приведенные в «Описаниях двухлетней петербургской жизни» Р.М. Цебрикова и «Цареградских письмах» П.А. Левашова. Так, Цебриков сочетает описание с осмыслением: «Удивительно, как бодрость и бдение могут поддерживаться приятными шутками. Мадам, скинувши лишния свои одеяния, казались в наиприятнейшим быть виде. В уборах женщина представляется нам важною и много ежели любезною, но в спальном платье более прелестною. <…> Поутру, вошедши в ея покои, застал ее сидящую на постели. Белая грудь ея не была покрыта, волосы длинные распущены по плечам и нежной шее, что придавало белезне оной пленяющия тени» [16, с. 73 – 75].

В этом же тексте встречается показательное описание возлюбленной студента Л., сравнивающего свою ученицу с античными богинями как по внешним качествам, так и по свободному отношению к любви: «Она сидела на штофном, розоваго цвету канапе в самом восхитительном положении и велела мне подле себя сесть. Бросаемыя ею на меня ярких глаз лучи взволновали мою кровь, и я как бы электрическою материю был весь напоен. Нежная ея грудь, дыша сластолюбием, привлекла на себя мой взор. Розовыя ея уста казались быть царством амуров. На играющих румянцом ея щеках владычествовали грации. <…> Она была тогда Венера, готовая принять Юпитера в объятья нежныя» [16, с. 85].

Описанная П. Левашовым в «Цареградских письмах» любопытная восточная красавица воплощает типичные черты женщины Востока: «Госпожа сия была вся унизана жемчугами и разными цветными каменьями, в горностаевой шубе, покрытой индейскою парчею, имела глаза большие, брови черные, длинные и широкие, волосы черные же, заплетенные во множество кос, ресницы весьма густо насурмленные, ногти крашеные, собою дородна и бела и по виду казалась быть лет около сорока» [9, с. 64 – 65].

Примечательно, что женские образы в травелогах тяготеют к портретному описанию, мужские – к характеристике через поступки. В ряду прочих довольно лапидарных описаний мужчин любопытен образ светлейшего князя Потемкина-Таврического, конструируемый на основе описаний «Дневника очевидца» Р.М. Цебрикова. Храбрость, гневливость, щедрость, безрассудство, благородство – все эти качества формирует модель поведения князя, бесстрастно зафиксированную Цебриковым.

Дескриптивные элементы реализованы не только в портретных, но и в пейзажных описаниях. Сравнительный анализ фрагментов природоописаний показывает, что наиболее распространены дескрипции топонимического характера. Можно выделить и две тематические группы описаний: населенные пункты и дорожные пейзажи. Во всех без исключения текстах города/села/деревни оцениваются по принципу регулярности/ нерегулярности постройки, что, вероятно, соответствует господствующей в тот период классицистической идее иерархического порядка: «Строением весьма дурен, лежит по большей части на ровном месте при озере того же имени, окружен отовсюду почти довольно высокими холмами» (о Переяславле) [5, с. 281]. «Строение заводов деревянное и уже не в весьма хорошем состоянии, для чего и намеряются строить каменныя» (о тульских оружейных заводах) [5, с. 281].

Подробные описания Санкт-Петербурга (Р.М. Цебриков), Константинополя (П.А. Левашов), Лейпцига, Очакова (Р.М. Цебриков) не только максимально детализированы, но и «оживлены» забавными эпизодами, имеющими иллюстративный характер. Так, в «Цареградских письмах» П.А. Левашова в подтверждение идеи двойственности Царьграда («…сколь приятен и великолепен сей город снаружи взору представляется, так внутренность оного нимало не соответствует его внешности» [9, с. 42]) приводится вставной эпизод: «Сказывают, что некоторый англичанин, приезжавший смотреть сей город, видел его только с корабля, а на берег нарочно сошел ночью и пробыл на квартире своей одни сутки, никуда не выходя, потом, сев на корабль так же ночью, обратно в Англию уехал, сказав, что он видел все, что было достойно видеть» [9, с. 42].

Пейзажные описания помимо своей несомненной самоценности являются и источником философских обобщений. Так, в «Дневнике очевидца» Р.М. Цебрикова пейзаж соответствует сентименталистским канонам и является базой для размышлений о скоротечности жизни: «Я <…> сел на самой крутизне, свися ноги вниз по оной и разсуждал от самого человека зачатия в утробе матерней – проходя все степени его лет, его образования к нравственности, к искусствам, глубоким наукам, его разныя рода страстей, приверженностей и тленности, разныя его обращения с разными людьми и их в его душе впечатления» [15, с. 173]. Автор «Дневника путешествия по немецким землям» каждый пейзаж «примеряет» кон-

кретному живописцу: «Городок Тьеры получил свое наименование от находящегося там на одной высоте обветшалаго пустаго замка, о коем жители уверяют, будто в нем поселился нечистый дух, который ночью бывает весьма неугомонен. <…> С обеих сторон здешних мостов показывающиеся виды заслуживают пера славного Лиля» [4, с. 356 – 447].

Таким образом, композиция текстов с главенствующим документальным началом является одной из базовых форм проявления креативной авторской интенции и, как следствие, индикатором накопления форм художественности. Путевая литература, генерируемая в соответствии с принципами жанровой и композиционной свободы, как правило, в качестве специфических структурных форм имеет письмо и дискретно-анналистическую дневниковую запись. Линеарность наррации и, соответственно, композиции нарушается вставными элементами, в числе которых диалог, полилог, цитата, актуализации портретных и пейзажных описаний.

Литература

1. *Антюхов, А.В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика): автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2001.

2. *Баранщиков, В.* Нещастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 г. // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М., 1995. – С. 106 – 132.

3. *Белокурова, С.П.* Композиция / С.П. Белокурова // Словарь литературоведческих терминов. – URL: http://www.gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%CA%CE%CC%CF% CE%C7%C8%D6%C8%DF&bukv=%CA

4. *Бобринский, А.Г.* Дневник. 1779 – 1786 / А.Г. Бобринский // С.А. Козлов Русский путешественник эпохи Просвещения – The Russian Traveller in the Age of Enlightenment. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 356 – 447.

5. *Болотников, А.У.* Дневник. 1782 – 1783 / А.У. Болотников, Н.Я. Озерцковский // С.А. Козлов Русский путешественник эпохи Просвещения - The Russian Traveller in the Age of Enlightenment. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 277 – 355.

6. Дневник путешествия неустановленного лица по немецким землям // С.А. Козлов Русский путешественник эпохи Просвещения – The Russian Traveller in the Age of Enlightenment. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 428 – 456.

7. *Ефремов, Ф.* Странствование Филиппа Ефремова, российского унтер-офицера, который ныне прапорщиком, девятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда, чрез Англию в Россию, писанное им самим в Санкт-Петербурге 1784 года / Ф. Ефремов // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М., 1995. – С. 146 – 170.

8. *Левашов, П.А.* Плен и страдание россиян у турков, или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных им в Царь-граде по объявлении войны и при войске, за которым влачили их в своих походах; с приобщением дневных записок о воинских их действиях в прошедшую войну и многих странных, редких и любопытных происшествий». В Санкт-Петербурге, 1790 / П.А. Левашов // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М., 1995. – С. 11 – 31.

9. *Левашов, П.А.* Цареградские письма о древних и нынешних турках и о состоянии войск, о Цареграде и всех окрестностях оного, о Султанском Серале или Хареме, о обхождении Порты с послами и Посланниками иностранными, о любовных ухищрениях турков и турчанок, о нравах и образе жизни их, о Дарданеллах, проливах и проч.; о Царедворцах, о Султанах и их важных делах от самого начала монархии и поныне, с обстоятельным известием о славных Кастриотовых подвигах; о державе их; о различных народах, порабощенных игу их и о их вере, языке и проч.; о Греческих патриархах и избрании их; о гражданских, духовных и воинских чинах и о многих иных любопытных предметах». Санкт-Петербург, 1789 / П.А. Левашов // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М., 1995. – С. 61 – 99.

10. *Лисянский, Ю.Ф.* Журнал. 1783 – 1800 / Ю.Ф. Лисянский // С.А. Козлов Путевые записки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793 – 1800 гг. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света – Yu.F. Lisianski's and I.F. Krusenstern's journals of 1793 – 1800. Prehistory of the first russian voyage round the world / С.А. Козлов. – СПб., 2007. – С. 56 – 180.

11. *Лисянский, Ю.Ф.* Инструкция для различных гаваней / Ю.Ф. Лисянский // С.А. Козлов Путевые записки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793 – 1800 гг. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света = Yu.F. Lisianski's and I.F. Krusenstern's journals of 1793-1800. Prehistory of the first russian voyage round the world. – СПб., 2007. – С. 180 – 194.

12. *Мальцева, Т.В.* «Нещастные приключения Василья Баранщикова»: художественный нарратив в русской литературе второй половины XVIII века / Т.В. Мальцева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – СПб.; Самара, 2011. – Вып. 15. – С. 182 – 194.

13. *Полубояринов, Н.* Записки. 1762 – 1765 / Н. Полубояринов // С.А. Козлов Русский путешественник эпохи Просвещения = The Russian Traveller in the Age of Enlightenment. – СПб., 2003. – Т. 1. – С. 262 – 277.

14. *Хрисанф Неопатрасский.* Объяснения / Хрисанф Неопатрасский // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М., 1995. – С. 265 – 294.

15. *Цебриков, Р.М.* Дневник очевидца / Р.М. Цебриков // С.А. Козлов От Лейпцига до Очакова – From Leipzig to Ochakov: дневниковые записки Р.М. Цебрикова. 1785 – 1788. – СПб., 2009. – С. 126 – 197.

16. *Цебриков, Р.М.* Описания двухлетней петербургской жизни / Р.М. Цебриков // С.А. Козлов От Лейпцига до Очакова – From Leipzig to Ochakov: дневниковые записки Р.М. Цебрикова. 1785 – 1788. – СПб., 2009. – С. 62 – 125.